
Юрий Костяшов

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО- -ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В историографии не раз высказывалось мнение, что вооруженное противоборство России и Германии в годы Первой мировой войны не имело под собой фундаментальных причин. Об этом писали и некоторые современники. Хрестоматийный пример – знаменитая «Записка» Петра Дурново, члена Государственного совета, а ранее и министра внутренних дел, которая была подана императору Николаю Второму в феврале 1914 года, буквально за несколько месяцев до начала войны. Будучи германофилом, Дурново предостерегал царя от выступления против Германии, полагая, что эта война будет губительной для монархии.

«Жизненные интересы России и Германии, – писал он, – нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств». Он задает вопрос, что может дать русским завоевание таких земель, как Восточная Пруссия и Познань, густо населенных поляками? И отвечает, что ничего. Более того, он пишет, что «беспокойные», как он выразился, поляки в Восточной Пруссии только «оживят центробежные стремления», которые и так существуют в Царстве Польском (Дурново, конечно, написал *Привислинский край*). И далее автор очень убедительно и подробно показал, что экономические, политические и другие интересы России и Германии фактически нигде не противоречат друг другу¹.

Восточная Пруссия была упомянута им не случайно. Всем было ясно, что если война и начнется, именно эта окраинная немецкая провинция может стать театром военных действий. Какое же значение имела она в русско-германских отношениях в годы, предшествующие Великой войне? Ответ на этот вопрос можно попытаться дать, опираясь на донесения русских консулов в Восточной Пруссии. Накануне войны в провинции

¹ Документ был впервые опубликован в СССР в журнале «Красная новь» (1922, N 6). URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/print36667.htm>.

располагалось три консульских учреждения: генеральное консульство в Кёнигсберге, консульство в Мемеле и вице-консульство в Пиллау. Сам этот факт говорит о необычайно интенсивных связях Восточной Пруссии с Россией². О том, что эти связи были вполне добрососедскими свидетельствуют многочисленные почтовые карточки с изображением мирных сценок на российско-германской границы, которые нередко украшались портретами глав двух правящих дружественных династий (рис. 1).

Визуальный образ границы России с Восточной Пруссией накануне войны, запечатленный современниками, выглядел на редкость умиротворенно. По воспоминаниям русских путешественников, серьезных проблем при въезде в соседнее государство не возникало.

Фундаментом прочных двусторонних связей Восточной Пруссии с Россией являлись тесные торговые отношения. Еще в XIX веке Германия стала основным экономическим партнером России: с начала 1870-х и вплоть до 1910-х годов она прочно занимала первое место среди зарубежных стран по объемам ввозимых в Россию товаров. При этом их суммарная стоимость за 40 лет (1870–1910) увеличилась почти в 3 раза со 159 до 450 млн. рублей. За этот же период стоимость российского экспорта в Германию возросла в 4,5 раза с 88 до 390 млн. рублей в год. Накануне Первой мировой войны на долю Германии приходилось более 40% всего российского импорта и треть экспорта³.

Немалые выгоды от двустороннего сотрудничества приходились на долю Восточной Пруссии. Кёнигсберг полусерьезно называли «русским портом»: товары русского происхождения составляли около трех четвертей его морского вывоза. Об этом еще в 1880 г. писал русский консул Фридрих Вышемерский: «Вследствие своего географического положения Кёнигсберг уже с давних пор играет роль отпускного порта для северо-западного края и пограничных губерний, а в настоящее время вследствие соединения его железными дорогами с внутреннею Россиею, район его влияния распространяется также на губернии малороссийские, юго-западные, а отчасти и южные». Далее консул указывал, что процветание

² В Германии, помимо посольства в Берлине, имелись консульские учреждения еще в 24 городах и землях: Бадене (Карлсруэ), Брауншвейге, Бремене, Бреславле, Веймаре, Висмаре, Вюртемберге, Гамбурге, Данциге, Дрездене, Кенигсберге, Киле, Лейпциге, Любеке, Мекленбурге, Мемеле, Мюнхене, Нойштадте, Пиллау, Росточе, Свинемюнде, Штральзунде, Торне, Штеттине. – Zob. Ю. Костяшов, *Российские консульские учреждения в Восточной Пруссии в конце XIX – начале XX в.* в: Калининградские архивы, N 2, Калининград 2000, с. 80–89.

³ *Пересмотр торгового договора с Германией. Доклад VIII съезду предпринимателей промышленности и торговли*, Санкт-Петербург 1914, с. 2–9; *Документы внешней политики СССР*, т. 5, Москва 1961, с. 745.

Восточной Пруссии в решающей степени определяется ее торговлей с соседней страной: «Неурожай в России – и все дела здесь почти прекращаются, как это и испытано в настоящем году, когда торговая деятельность здешнего порта упала до самых незначительных размеров»⁴.

Основываясь на донесениях русских консулов, можно заключить, что основным предметом экспорта из России было зерно, прежде всего овес, подвоз которого в Восточную Пруссию в начале века превышал 500–600 тыс. тонн в год. Оно считалось качественным и ценилось выше германского, а большая его часть переправлялась дальше в Западную Европу. Кёнигсберг стал важнейшим пунктом очистки, сортировки и отчасти переработки русского сельскохозяйственного сырья, прежде всего бобовых культур, а также льна, пеньки, жмыха, шкур, мяса и т. п. По железной дороге из России прибывали по 400–500 вагонов с грузами ежедневно: эти перевозки по взаимной договоренности оплачивалась по внутреннему российскому тарифу, что существенно стимулировало торговый обмен⁵.

Следующей по значимости статьей экспорта в Восточную Пруссию из России была древесина. Русский лес в огромных количествах (до 1 млн. куб. м в год) сплавлился по рекам (рис. 3) и по железной дороге⁶. Объясняя причины возрастающего спроса на древесину, консул Артемий Выводцев писал в 1905 г. о грандиозных масштабах строительства в Кёнигсберге, который «застраивается громадными зданиями, так как все спешат сбывать и застраивать городские участки в ожидании сношения старых крепостных стен, о чем уже давно ведутся переговоры с военным ведомством»⁷.

Об этом же свидетельствует донесение 1914 г. консула в Мемеле Сергея Протопопова: «Лесная промышленность Мемеля, как и Тильзита, существует исключительно за счет русского леса, привозимого, главным образом, в виде сырья, дающего материал местным деревообрабатывающим фабрикам и заводам. В 1910 г. в Мемеле и на пути к нему из Тильзита

⁴ Сборник сведений по департаменту торговли и мануфактур. Консульские донесения, т. 1, Санкт-Петербург 1880, с. 92–94.

⁵ Консульские донесения, N 63, Санкт-Петербург 1889, с. 2–3; З.М. Поляновский, *К вопросу о торговле русским зерном и семенами в Кёнигсберге (Из записки императорского российского консула в Кёнигсберге)*, в: Торговые обычаи Кёнигсбергской биржи, Санкт-Петербург 1913, с. 53–65.

⁶ *Торговля осиновым лесом в Кёнигсберге*, в: Бюллетень Справочной части по внешней торговле, N 4, Санкт-Петербург 1912, с. 3; *Положение лесного рынка в Кёнигсберге*, в: Бюллетень Справочной части по внешней торговле, N 2, Санкт-Петербург 1914, с. 15–16; *Лесной рынок в Кёнигсберге*, в: Краткий обзор донесений императорских российских консульских представителей за границей за 1913 год, Петроград 1915, с. 73–74.

⁷ А. Выводцев, *Торговля Кёнигсберга в 1905 году*, в: Сборник консульских донесений, N 6, Санкт-Петербург 1906, с. 493–496.

насчитывался 31 лесопильный завод»⁸. Для удобства перевозки грузов на пограничных станциях обеими странами были построены за свой счет специальные приспособления для перестановки вагонов с русской (более широкой) колеи на германскую. Согласно подписанным соглашениям перевозка переставленных русских вагонов должна была производиться прусской железной дорогой⁹.

Со своей стороны, русские купцы охотно закупали в Восточной Пруссии племенной скот, элитные семена, сельхозинвентарь; владельцы местных судостроительных заводов с гордостью говорили, что половина царского флота была построена на верфях Восточной Пруссии. Велика была роль Кёнигсберга как транзитного пункта для русского импорта – машин, оборудования, искусственных удобрений, соли. Отсюда ежегодно отправлялось в Россию до полумиллиона бочек сельдей¹⁰.

В последние годы перед войной, благодаря «громадному размеру» двусторонней торговли в Кёнигсберге были предприняты чрезвычайные меры по модернизации транспортной системы и портовых сооружений. На берегах Преголи и в кёнигсбергских гаванях были построены мощные холодильники, зернохранилища и другие складские помещения, оборудованные самой совершенной по тем временам техникой и удобными подъездными путями. В результате производственные мощности кёнигсбергского порта возросли в несколько раз¹¹. По сообщениям консулов, русские предприниматели и купцы были завсегдатаями многочисленных ярмарок, которые проводились не только в Кёнигсберге, но и в других городах Восточной Пруссии.

Помимо многообразных экономических связей, Восточная Пруссия была не просто важной, но в чем-то и знаковой территорией для россиян. Через Восточную Пруссию проходил главный путь из Петербурга на Берлин и далее на Париж, который известный писатель Николай Лесков назвал «столбовой русской дорогой»¹². Именно здесь происходило их знакомство за границей. Как заметил Александр Герцен, «Европу в первый раз встречает русский путник в Кёнигсберге»¹³. До войны вышло несколько

⁸ *Краткий обзор донесений императорских российских консульских представителей за границей за 1914 год*, Петроград 1915, с. 68.

⁹ *Соглашение о взаимном пользовании на условиях обмена бесперегрузочными товарными вагонами системы Брейдишпрехера*, Königsberg 1912, с. 4–6.

¹⁰ *Сборник консульских донесений*, N 6, Санкт-Петербург 1906, с. 496.

¹¹ *Техническое оборудование Кёнигсбергского порта*, в: Восточно-Европейский Земледелец, N 2(19), Кёнигсберг 1926, с. 5–6.

¹² А. Лесков, *Жизнь Николая Лескова*, Москва 1954, с. 499.

¹³ А. Герцен, *Письма из Франции и Италии*, в: *Собрание сочинений*, т. 5, Москва 1955, с. 26–27.

изданий путеводителя по Кёнигсбергу и его окрестностям. Не случайным следует признать тот факт, что в крупных городах Восточной Пруссии существовали гостиницы, которые специализировались на приеме русских гостей (рис. 4). С конца XIX в. здешние морские курорты стали излюбленным местом отдыха для россиян, несмотря на то, что летом здесь шли частые дожди и море представлялось слишком холодным. Бесспорным их достоинством считалась дешевизна по сравнению с другими европейскими курортами. Кранц и другие места Замландского побережья представляли интерес в первую очередь для небогатой публики: помещиков средней руки и представителей интеллигенции – писателей, профессоров университетов, артистов и музыкантов¹⁴.

Учебные заведения провинции, прежде всего Альбертина, сохраняли свою привлекательность для российских подданных, в основном для обедневших выходцев из числа остзейского дворянства, для студентов из Царства Польского и Литвы. Хотя значение Кёнигсберга как образовательного центра по сравнению с XVIII в. упало, он всё еще сохранял свое значение для россиян в качестве варианта получения высшего образования «эконом-класса». Согласно донесению консула А. Выводцева, в 1907 г. в здешнем университете находились 75 российских подданных. Для сравнения: в Париже и в Дрездене в том же году обучалось по полторы тысячи русских студентов¹⁵.

Следующая ипостась Восточной Пруссии не слишком хорошо известна. Речь идет о российских подданных, массовым потоком хлынувших на заработки в самую восточную германскую провинцию в последние десятилетия перед войной. Численность рабочих, выезжающих из России в Германию в начале XX в., составляла, по данным российского МИД, несколько сот тысяч чел. – всего более 0,5 млн. пересечений границы ежегодно. При этом на территории трех консульских округов (Кёнигсберг, Данциг и Мемель) по найму трудились не менее 80 тыс. сезонных российских рабочих. Прежде всего это были крестьяне из Привислинского края, а также жители Белоруссии, Украины, Литвы и русских губерний Северо-Запада империи. Они нанимались на полевые работы, занимались ремонтом мелиорационных сооружений, строили шоссейные дороги и железнодорожные пути, работали на кирпичных заводах. Особенно иностранные

¹⁴ Zob. С. Василенко, *Воспоминания*, Москва 1979, с. 332–333.

¹⁵ *Сводка отчетов миссий и консульств о консульской деятельности за 1907 г.*, Санкт-Петербург 1908, с. 24.

рабочие были востребованы в южных районах Восточной Пруссии, на Балтийском побережье, в Кёнигсберге и его окрестностях¹⁶.

Прусские власти из опасений перед «славянизацией» провинции одно время даже ввели запрет на выдачу разрешений на въезд в Восточную Пруссию для работы по найму выходцам из России. Однако он довольно быстро был отменен, так как, по словам генерального консула в Данциге Д. Островского, из-за бурного роста промышленности «немецкие деревни и фольварки начали сильно чувствовать недостаток рабочих рук: всё молодое население ушло на фабрики», а «немецкому сельскому хозяйству угрожал полнейший крах», если бы на место убывающего населения «с каждым годом всё больше и больше» не начали приезжать российские подданные, что стало «истинным спасением»¹⁷. Консул в Кёнигсберге Владимир Жуковский писал в 1907 г. в МИД, что его резиденция постоянно заполнена толпами жалующихся на своих работодателей соотечественников, которые производят «грязь и шум», из-за чего представительству приходилось по требованию арендодателей не раз менять свое местоположение¹⁸.

И все-таки, несмотря на недовольство и многочисленные жалобы рабочих, Восточная Пруссия вплоть до Первой мировой войны оставалась вождленным местом для десятков тысяч российских гастарбайтеров. Для них главным стимулом была относительно высокая плата за труд: около 2 марок за 12-часовой рабочий день, что составляло в пересчете на рубли примерно 25 руб. в месяц. В России такую зарплату получали только высококвалифицированные заводские рабочие, а разнорабочие – от 5 до 8 рублей в месяц, т. е. в 3–5 раз меньше¹⁹.

Нельзя не сказать и еще об одной специфической публике. За Восточной Пруссией закрепилась слава убежища русских анархистов, нигилистов и революционеров. По переписке русского консульства можно сделать вывод, что их розыск был постоянной головной болью наших дипломатов в Кёнигсберге²⁰. Вообще, граница с Восточной Пруссией, если верить мемуарам, напоминала какой-то проходной двор: контрабандисты,

¹⁶ Zob. Ю. Костяшов, *Российские рабочие в Восточной Пруссии в конце XIX – начале XX века*, в: Вестник РГУ им. И. Канта, N 12, Калининград 2010, с. 148–154.

¹⁷ Д. Островский, *К вопросу о русских сельских рабочих в Германии*, в: Известия Министерства иностранных дел, кн. 6, Санкт-Петербург 1912, с. 211.

¹⁸ *Сводка отчетов миссий и консульств о консульской деятельности за 1907 год.*, Санкт-Петербург, 1908, с. 25–26, 31, 33.

¹⁹ Д. Островский, *op. cit.*, с. 212.

²⁰ Zob. В.Н. Смельский, *Розыски П.А. Кропоткина в 1876 г.* в: *Голос минувшего*, N 1, Москва 1917, с. 84–90; Н.А. Морозов, *Повести моей жизни*. Москва 1961, т. 1, с. 10–11, 16, 302–310; т. 2, с. 27; М. Лядов, *Из жизни партии*, Москва 1956, с. 69–70, 78–79, 118–119.

революционеры, дезертиры, эмигранты, жаждущие попасть в Америку. Переправкой нелегалов занимался большой интернациональный коллектив контрабандистов (там были русские, поляки, литвины, немцы, всеми руководили евреи). У них на содержании находились немецкие пограничники и таможенники, так что лишних вопросов не задавали. Кстати, тогда в ходу был паспорт-удостоверение жителя приграничной зоны, который позволял беспрепятственно перемещаться через границу и находиться в соседнем государстве в 30-верстной зоне²¹. Так что в XXI в. мы возвращаемся к практике, которой уже более 100 лет.

Обозревая период последних десятилетий существования Российской империи, можно с уверенностью сказать, что Восточная Пруссия занимала особое место в экономической и общественно-политической жизни России. Это место определялось прежде всего географическим положением пограничной немецкой провинции, которая выступала в качестве моста, перевалочного пункта между Россией и Германией, а также остальной Европой. Помимо интенсивных экономических связей, она стала для российских подданных, включая и преследуемых властями нигилистов, своего рода дверью на Запад, в иной мир – мир свободы, достоинства и прогресса.

Восточнопруссский фактор оказывал стабилизирующее влияние на двусторонние отношения, местная политическая и экономическая элита не желала конфронтации, а тем более войны с Россией. Да и Россия, честно говоря, не имела серьезных противоречий с Германией. Несмотря на это, две страны оказались втянуты в кровопролитную бойню именно на восточнопруссской земле, жители которой в наименьшей степени были заинтересованы в этом конфликте. Война, а затем и большевистская революция в России нанесли сокрушительный удар по этим, складывавшимся десятилетиями и веками, отношениям.

²¹ Zob. О. Любатович, *Далекое и недавнее*, в: *Былое*, N 5, Петербург 1906, с. 208–247; Н. Яковлева, *По Пруссии*, в: *Европа*, Москва 1904, с. 256–257; А. Брейтфус, *Мемельская переправа 90-х годов*, в: *Историко-революционный сборник*, т. 1, Москва 1924, с. 170–175.

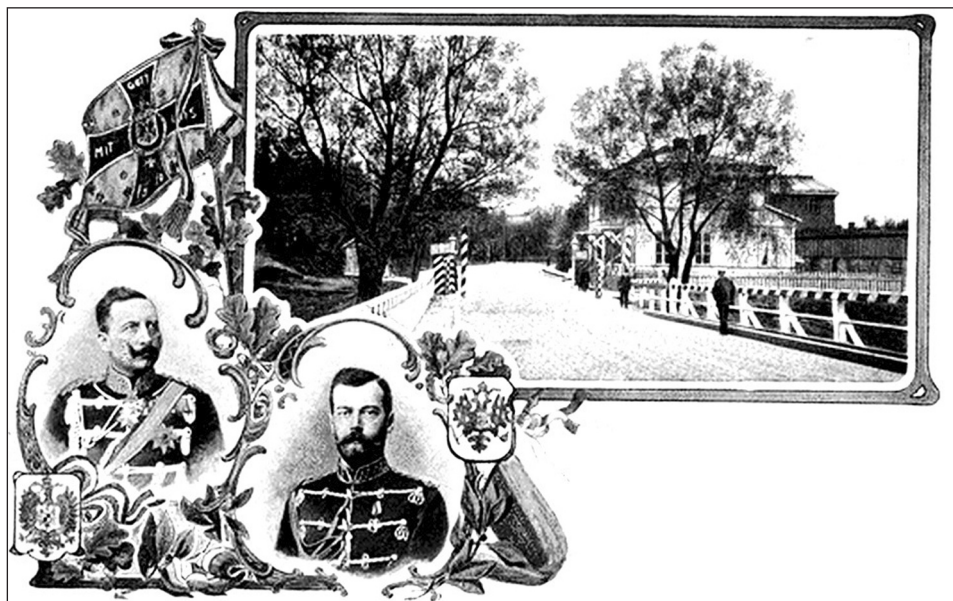

Рис. 1. Российско-германская граница на переходе Эйдткунен-Кибартай. Немецкая почтовая открытка кануна Первой мировой войны с портретами кайзера Вильгельма II и русского царя Николая II

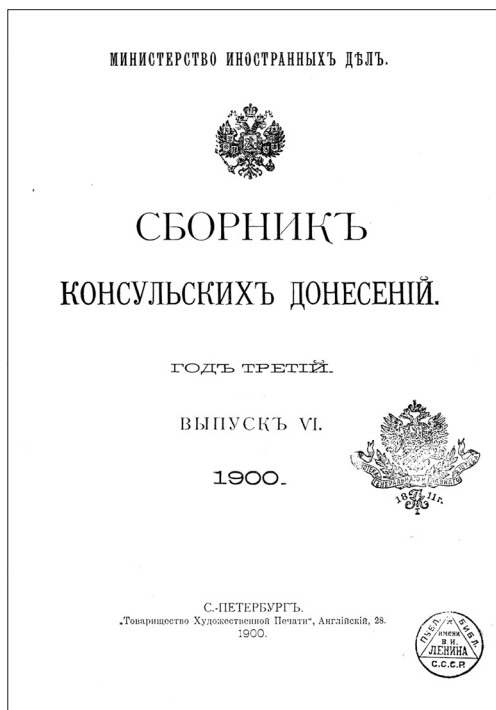

Рис. 2. Титульный лист «Сборника консульских донесений» (Санкт-Петербург 1900)

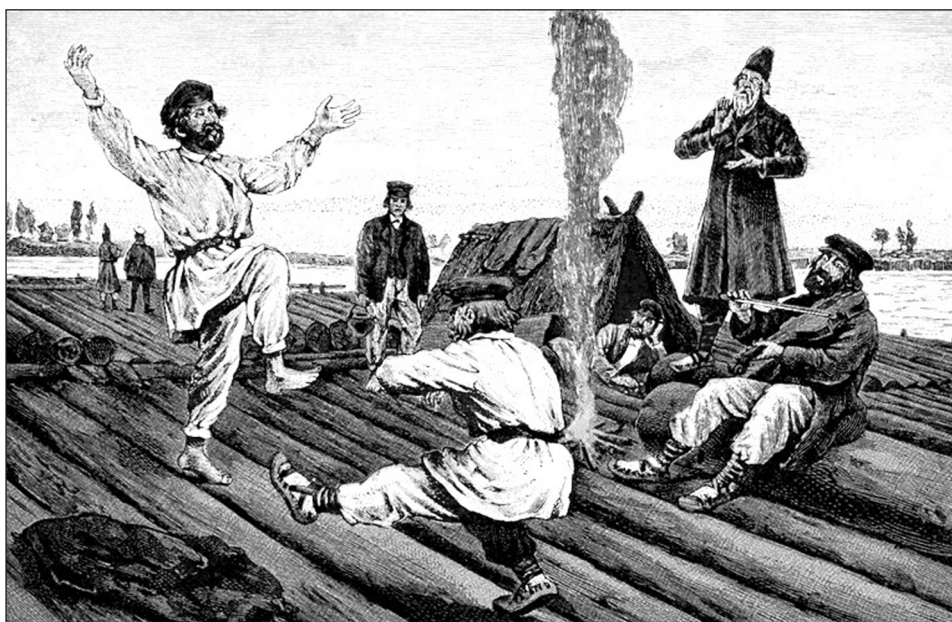

Рис. 3. Русские сплавщики леса на реке Неман (Мемель) под Тильзитом. Немецкая открытка конца XIX в.

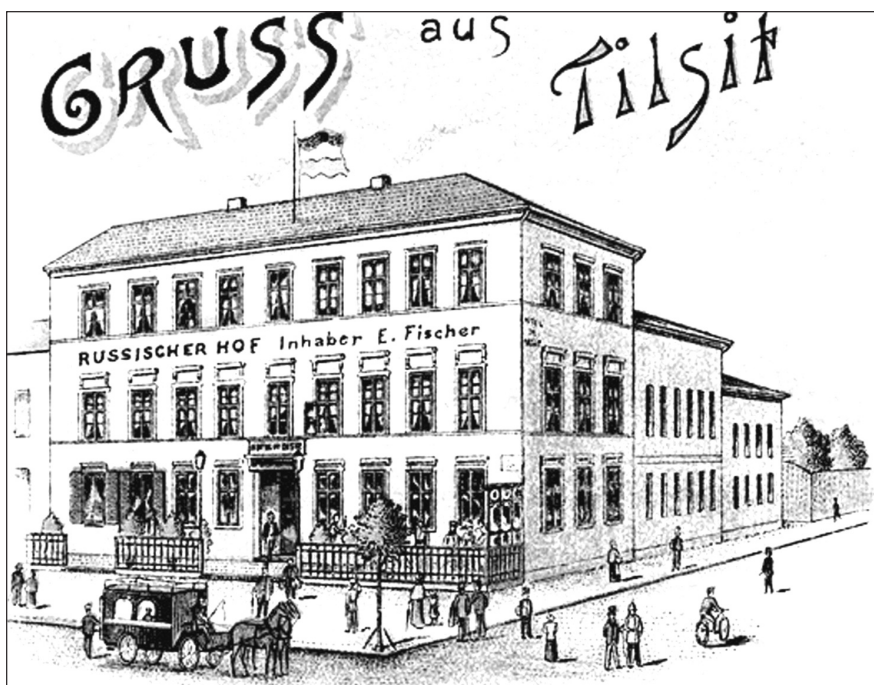

Рис. 4. «Русский отель» в Тильзите. С немецкой открытки конца XIX в.